

Гельмут Шельски как основатель университета¹

ГЕРМАН ЛЮББЕ

РЕДИ ученых, обретших в Германии 1960-х годов статус основоположников университета, никто не сумел сформулировать собственные идеи и концепты столь же отчетливо, как Гельмут Шельски. Ни Ханс Венке², ни Герхард Гесс³, ни Мартин Шмайссер⁴, ни Йоахим Риттер⁵ — вот лишь несколько имен основателей, ассоциируемых с годами смелой реформы немецкого университета⁶, — не оказали своими индивидуальными проектами столь сильного влияния на планирование высшей

1. Перевод выполнен по изданию: © *Lübbe H.* Helmut Schelsky als Universitätsgründer // Helmut Schelsky — Ein Soziologe in der Bundesrepublik. Eine Gedächtnisschrift von Freunden, Kollegen und Schülern / H. Baier (Hg.). Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1986. S. 157–166.
2. В качестве председателя учредительного комитета Рурского университета в Бохуме. См. об этом: Empfehlungen zum Aufbau der Universität Bochum. Denkschrift des Gründungsausschusses. Bochum, 1962.
3. В качестве ректора-учредителя Констанцского университета. См. об этом: Die Universität Konstanz. Bericht des Gründungsausschusses (1965).
4. В качестве председателя учредительного комитета Дортмундского университета. См. об этом: Empfehlungen zum Aufbau einer Universität in Dortmund. T. I. Empfehlungen zur Struktur. Oktober 1965.
5. Йоахим Риттер был очень влиятелен в трех вышеупомянутых комитетах по учреждению новых университетов в Бохуме, Констанце и Дортмунде и, кроме того, в качестве члена научного совета на раннем, то есть особенно активном, этапе его деятельности. См. мое изложение творческого пути Йоахима Риттера в: Gedenkschrift Joachim Ritter. Münster, 1978. S. 14–20. О научном совете см.: Hess G. Zur Vorgeschichte des Wissenschaftsrats // Wissenschaftsrat 1957–1967. März 1965. S. 5–10.
6. Об импульсах и целях, преобладавших в течение десяти лет так называемой «смелой реформы университета» между 1957 и 1967 годом, см.: *Lübbe H.* Hochschulpolitik in der BRD und in der Schweiz. Ein Vergleich // Annan N., Deveze M., Lübbe H. Universität gestern und heute. Salzburg; München, 1973. S. 45–66.

школы, как Гельмут Шельски. В этом состоит особенность необычайно резкого профиля, отличавшего первоначальную, разработанную в Билефельде идею университета, а также некоторый зазор между этой идеей и обстоятельствами ее воплощения.

Что университет нужен даже так называемой Восточной Вестфалии, то есть административному округу Детмольд, было очевидно, если учесть такие региональные особенности, как плотность населения, количество абитуриентов и удаленность вузов⁷. Заслугой министра по делам культов Пауля Миката⁸ было признание интереса к этой идее и ее политическая поддержка, невзирая на то время, которое федеральная земля Северный Рейн-Вестфалия уже взвалила на себя, учредив университеты в Бохуме и Дортмунде, а также расширив и возвысив дюссельдорфскую медицинскую академию до статуса университета. Микат рассказывал, что в процессе поиска составителя плана учреждения для Восточно-Вестфальского университета он спрашивал себя: кто из именитых профессоров этой федеральной земли, еще не вовлеченных в практику реформирования, высказывался по вопросам университетской реформы и кто был бы одновременно компетентным и авторитетным для общественного мнения? Гельмут Шельски отвечал этим требованиям как никто другой. Уже его инаугурационная лекция «К социальной идее немецкого университета»⁹, прочитанная в Мюнстере 24 июня 1960 года, произвела сильное впечатление на академическую общественность. Широкий отклик также нашла его книга «Уединение и свобода» (1963), раскрывавшая тезисы инаугурационной лекции в контексте истории университета и предлагавшая соответствующие реформы. Лишь второстепенные политические соображения партийного или идеологического толка могли воспрепятствовать использованию этой столь убедительной компетентности в вопросах реформы высшей школы — центрального на тот момент политического вопроса для этой федеральной земли. Микат был достаточно независим, чтобы не принимать эти соображения во внимание. 20 января

7. См. об этом: *Geissler C.* Hochschulbesuch in Ostwestfalen-Lippe — Studienaufkommen, Wanderung und Herkunft der Studierenden; Analyse 1961 und Vorausschätzung 1980 // *Geissler C., Storbeck D.* Standortbestimmung einer Universität. Materialien zur Raumplanung. Münster, 1967. S. 15–60.
8. *Mikat P.* Gedanken zur Universitätsplanung in Nordrhein-Westfalen // *Mikat P., Schelsky H.* Grundzüge einer neuen Universität. Zur Planung einer Hochschulgründung in Ostwestfalen. Gütersloh, 1966. S. 11–19.
9. *Schelsky H.* Einsamkeit und Freiheit. Zur sozialen Idee der deutschen Universität. Münster, 1960; *Idem.* Einsamkeit und Freiheit. Idee und Gestalt der deutschen Universität und ihrer Reformen. Hamburg, 1963.

1965 года он обратился к Шельски с просьбой принять участие в разработке плана нового университета¹⁰.

Требования, которыми Шельски обусловил свое согласие участвовать в решении этой задачи, были необычными и совершенно выбивались из привычного порядка учреждения университетов в Бохуме, Дортмунде и других федеральных землях. Микат принял эти условия¹¹. В чем же они состояли? Во-первых, Шельски с самого начала заявил, что не желает становиться председателем учредительного комитета, персональный состав которого, как правило, заранее определяется министерством на основе соображений пропорциональности академического и т. п. представительства. Вместо этого он настоял на праве самому определять круг учредителей. Из первоначальных десяти членов этого органа, установочное собрание которого состоялось 11 ноября 1965 года, кандидатуры двоих Шельски хотел бы отклонить, но смирился с их избранием под давлением министерства. Не случайно именно эти двое, когда учредительная деятельность ученого перешла в ранг «казуса Шельски» (в смысле, который еще предстоит разъяснить), вышли из состава комитета в знак несогласия с предлагаемым другими путем преодоления этого казуса.

Во-вторых, в должности первого ректора Шельски не был готов совмещать функции разработчика проекта и его администратора. «Как передал мне Венке, более 90% моей деятельности будут состоять в отношениях с земельными ведомствами»¹². Эти учредительные задачи уже на стадии планирования требовали участия опытного администратора¹³. Сам Шельски хотел в кругу коллег-учредителей ведать лишь идейной стороной дела, а потому и в качестве автора проекта не желал переходить ту грань, которая отделяет научную практику от администрирования или политики.

В-третьих, Шельски потребовал права опираться в разработке проекта на собственноручно написанный им еще до созыва учредительного комитета меморандум¹⁴. В дальнейшем члены комитета имели возможность заранее ознакомиться с этим документом, и без определенной симпатии к идеям Шельски ни-

10. *Idem.* Zur Vorgeschichte dieser Schrift und zu den Zielen dieser Schriftenreihe // Mikat P., Schelsky H. Grundzüge einer neuen Universität. S. 7.

11. После продолжительной беседы 26 февраля 1965 года (*Ibid.*).

12. *Idem.* Soziologie — wie ich sie verstand und verstehe // *Idem.* Rückblicke eines «Anti-Soziologen». Opladen, 1981. S. 95.

13. Решение этой задачи, как известно, взял на себя тогдашний канцлер Боннского университета — барон Эберхард фон Медем.

14. *Idem.* Grundzüge einer neuen Universität. Eine Denkschrift. Dokument Nr. X vom 17.8.1965 // Mikat P., Schelsky H. Grundzüge einer neuen Universität. S. 35–69.

кто из них, пожалуй, не считал бы целесообразным свое участие в комитете.

Легко увидеть, сколь эффективно благодаря этим условиям Шельски сумел обеспечить свое уникальное для университетской политики той эпохи личное влияние на предстоящий процесс создания новой институции. Вопрос о том, является ли такая степень личного влияния «демократически легитимной», в то время, то есть до начала молодежного студенческого движения конца 1960-х годов, был едва ли понятен. Ведь заказ на планирование исходил от ответственного перед парламентом и наделенного безусловными полномочиями министра; учредительный комитет представлял собой созданный этим министром и ответственный перед ним орган; планы, утверждаемые этим органом, обладали административным статусом чистых рекомендаций, которые министр и правительство могли принять, отклонить или изменить, а парламент и без того обладал весом последней демократической инстанции. В этом контексте намеченные и детализированные Шельски, а затем одобренные Микатом направления работы имели целью повышение эффективности — как в смысле скорости самого процесса учреждения, так и в отношении инновационности профиля новой организации. Этот профиль дополнительно обеспечивался обязательствами, которые добровольно взяли на себя учредители: в будущем работать самим в проектируемой организации. Позднее в «послесловии 1970 года» к своей книге «Уединение и свобода» Шельски назвал этот метод учреждения «реформ-автономным учреждением»¹⁵.

Уже в мюнстерской инаугурационной лекции Шельски подчеркивал непригодность коллегиальных академических органов к самореформированию. Успешная реформа высшей школы предполагает независимого от внутривузовского самоуправления субъекта. В контексте сложившихся в Германии корпоративных традиций это могло быть только государство, обращающееся к услугам институционально независимых экспертов в рамках соответствующих компетентных органов. Шельски хотел проиллюстрировать это на примере подробно им проанализированной истории основания Университета Фридриха Вильгельма в Берлине. В контексте реформаторской проблематики Шельски подчеркивал, что Вильгельм фон Гумбольдт, «как и его духовные соратники, ни разу и словом не обмолвился о самоуправлении системы образования или университетов»¹⁶. При

15. *Schelsky H.* Einsamkeit und Freiheit. Idee und Gestalt der deutschen Universität und ihrer Reform. Düsseldorf, 1971. S. 241 ff.

16. *Idem.* Einsamkeit und Freiheit. S. 13.

этом он признает и подразумевает, впрочем, что научная свобода для университета включает в себя право корпоративного самоуправления. В своей торжественной речи по случаю двухсотлетнего юбилея Мюнстерского университета¹⁷ Шельски с нескрываемым удовольствием напоминает о спасительной непродолжительности традиционных факультетских заседаний, самая важная задача которых состояла в обеспечении науки квалифицированным кадровым пополнением, что, таким образом, гарантировало ее свободу от влияния политико-идеологических сообществ. Шельски охотно хвалил старый, еще не реформированный университет за либеральность и коллегиальность, имея в виду особенно ценный им Мюнстер. Он считал глупостью, что в своем настойчивом стремлении к автономии некоторые университеты позволили склонить себя к упразднению института куратора. Эта особенно в Пруссии оберегаемая фигура, находясь в университете и идентифицируя себя с ним, репрезентировала государственную власть и тем самым едва ли не наилучшим образом содействовала коллегиальным академическим органам, освобождая их от выполнения административных функций.

Таким образом, стратегия Шельски состояла в том, чтобы рассматривать реформу как задачу не университетского самоуправления, но государства, учреждающего новую институцию по идеальным лекалам институционально независимых экспертов. Первоначальный успех подтверждал правоту Шельски. Скорость, с какой закладка нового фундамента начала осуществляться на фоне разнообразных политических и материальных трудностей, была поистине впечатляющей. Шельски умел склонить всех заинтересованных лиц к несколько эйфорической активности, побуждавшей многочисленные ответственные инстанции к ускоренному принятию решений. Как бы то ни было, центр междисциплинарных исследований, о котором еще пойдет речь ниже, равно как и университетская библиотека, начали свою работу в замке Реда уже в 1967 году¹⁸, а уже 17 ноября 1969 года в университете был налажен учебный процесс¹⁹. Лишь

17. *Idem*. Erfahrungen mit vier Generationen der deutschen Universität. Vortrag zum 200jährigen Jubiläum der Universität Münster // *Idem*. Rückblicke eines «Anti-Soziologen». S. 168 f.

18. Важнейшие ранние даты истории учреждения Билефельдского университета перечислены в хронологическом порядке в работе: *Vitt W.* Daten auf dem Weg zur Gründung // *Mitteilungen der Westfälisch-Lippischen Universitätsgesellschaft*. Oktober 1968. H. 2. S. 20–23.

19. Исчерпывающую информацию об истории Билефельдского университета см. в: *Storbeck D.* Zehn Jahre Universität Bielefeld // *Zwischenstation. Universität Bielefeld* 1979. S. 18–43.

крайне далекие от происходящего люди могли ожидать большего. Учитывая динамику процесса учреждения и оказываемое ему противодействие, не вызывает удивления тот факт, что многие инициативы разработанного Шельски проекта реформ были восприняты как провокационные. Какие из этих инициатив были наиболее важными? Во-первых, в новом университете должен был действовать «структурный *numerus clausus*», согласно которому «количество студентов... не должно более чем в 30 раз превышать число кафедр»²⁰. Во-вторых, ординарным профессорам следовало предоставить возможность «выполнять их двойную обязанность исследовать и преподавать посредством временной концентрации на исполнении» одной из этих задач («ежегодное чередование исследования и преподавания»²¹). В-третьих, в университете должны были быть определены основные направления исследований: частью дисциплинарные, такие как «экономическая социология и социология управления» или «историческое или международное сравнительное правоведение», частью «мультидисциплинарные направления», такие как «латиноамериканские исследования» или «математизация», в особенности в рамках гуманитарных (*nicht-naturwissenschaftlichen*) специальностей²². И наконец, в-четвертых, предполагалось учреждение Центра междисциплинарных исследований, дабы собрать в стенах университета «30–40 отечественных и зарубежных ученых... как правило, на один год для междисциплинарной работы»²³.

Ряд этих предложений (некоторые вполне соответствовали традиционным представлениям о реформах, другие же, напротив, были весьма вызывающими) можно было бы продолжать очень долго: от упразднения кафедр как базовых единиц исследовательской организации посредством включения их в крупные институты-департаменты вплоть до учреждения «биконфессионального теологического семинара» для *post-graduate studies*²⁴. Мы не ставим перед собой задачу детально обрисо-

20. См.: Рекомендации учредительного комитета для Билефельдского университета (утверждены 24.07.1967)// *Mitteilungen...* S. 16.

21. *Ibid.* S. 15.

22. *Ibid.*

23. *Ibid.* Более детальное обоснование этой идеи см. в: *Das Zentrum für interdisziplinäre Forschung. Eine Denkschrift von Helmuth Schelsky*// Mikat P., Schelsky H. *Grundzüge einer neuen Universität*. S. 71–87. Цитированные в прим. 21–24 «Рекомендации учредительного комитета для Билефельдского университета», очевидно, следуют более ранним «Структурным отличительным чертам нового университета в Восточной Вестфалии», которые были утверждены учредительным комитетом уже 1 марта 1966 года (*Ibid.* S. 89–92).

24. См. прим. 22.

вать разработанный Шельски проект учреждения Билефельдского университета. Куда важнее увидеть прагматику, связывающую эти предложения в единое целое. Можно сказать, что речь идет об инициативах, цель которых — в условиях намечающейся и навязываемой всей образовательной политикой академизации образования доброй пятой части всего населения — сохранить университет как место первоклассных исследований. Гумбольдтианство Шельски предполагало даже восстановление целостности исследования и преподавания.

«Что же в этом оригинального?» — могут нам возразить. Конечно. И учредительный план Шельски в этом отношении лишь подтверждает убеждение Бёрка, что тот, кто стремится оберегать, при определенных обстоятельствах должен быть готов к глубоким преобразованиям. Среди реформаторов высшей школы 1960-х годов Шельски был радикальным новатором, поскольку он был радикальным консерватором. План Шельски, очевидно, сводился к основанию университета с особым статусом, каким, как кажется, обладал в то время, *mutatis mutandis*, и университет в Констанце. Ему бы не пришло в голову рекламировать билефельдские реформы в качестве «модели». Отнюдь не подразумевалось, что другие университеты должны будут последовать билефельдскому образцу. Замысел состоял в том, чтобы внести вклад в давно назревшую дифференциацию немецкой системы высшего образования.

Тенденция к массовой академизации (запаздывавшая в Германии по сравнению с другими странами) к тому времени уже стала реальностью: число первокурсников за десять лет между серединой 1950-х и серединой 1960-х выросло в два с половиной раза²⁵. Шельски никогда не выступал против этого тренда с позиции критики культуры. Его план состоял в том, чтобы из новых — в принципе позитивных — условий сделать выводы, касающиеся организации исследований. Таков прагматический аспект билефельдского учредительного плана. При этом риторически наиболее действенная рекомендация этого плана содержалась в небольшом исследовании «Профессиональный портрет и профессиональная действительность профессора», с которым Шельски выступил 11 ноября 1965 года в дюссельдорфском Доме наук, будущей резиденции Рейнско-Вестфальской академии: лишь 12% из более чем 60 часов еженедельного рабочего времени профессоров на «массовых специальностях» философских, а также юридических и экономических факультетов по-

25. См.: Statistik des Bildungswesens 1955–1975. Wuppertal; Ratingen; Düsseldorf, 1968. S. 91.

священо исследованиям²⁶. Такой ситуации призвано было ответить «ежегодное чередование исследования и преподавания», а также «структурный *numerus clausus*». Это должно было повысить качество как исследования, так и преподавания, с тем, правда, эффектом, что как профессора, так и студенты в Билефельде получают институциональные привилегии. Шельски не принял возражения, согласно которому предоставление этих институциональных привилегий влечет за собой и финансовые привилегии в виде удвоения расходов на персонал: чем более квалифицированным и подготовленным будет обучение, тем оно будет короче.

Образование основных направлений исследований, как их планировал Шельски, поскольку оно согласуется с общими, давно сложившимися тенденциями в немецкой и международной политике проведения и поддержки исследований, вполне можно назвать конвенциональным. Центр междисциплинарных исследований как университетское учреждение, напротив, был новинкой в Германии. Он был призван считаться с тем фактом, что сегодня даже крупные университеты уже не являются с точки зрения кадрового состава достаточно крупными, чтобы быть в состоянии отвечать по всем обязательствам междисциплинарной исследовательски-практической кооперации. Поэтому сегодня неуклонно растет число групп исследователей, в состав которых входят ученые из различных регионов и институций и которые по преимуществу работают на основе стороннего финансирования, тем самым создавая и демонстрируя — в высшей степени селективно — различия между теми исследователями, которые обладают привилегией стороннего финансирования, и теми исследователями, которые вынуждены довольствоваться базовым обеспечением. И научные коллективы, которые в известных масштабах образовались в Германии за последнее время по хорошо зарекомендовавшим себя зарубежным образцам, оказывают такое же дифференцирующее воздействие. В контексте актуальных дискуссий вокруг проблемы элиты в исследованиях и образовательной политике²⁷ в целом утвердилось мнение, согласно которому вместе с ростом масштабов системы высшего образования должна возрастать и степень ее дифференци-

26. Согласно «Итоговой записи о 1-м (организационном) заседании совещательного комитета по учреждению университета в Восточно-Вестфальском регионе 11 ноября 1965 года», п. 2 повестки дня; неоднократно публикованный доклад содержится и в: Mikat P., Schelsky H. Grundzüge einer neuen Universität. S. 29 f.

27. См. посвященную этому мою речь «Научная культура и формирование элиты» в: 30 Jahre AIF. Festveranstaltung der Arbeitsgemeinschaft Industrieller Forschungsvereinigungen. Köln, 1984. S. 33–48.

ции. И понять план университетской реформы Шельски можно сегодня лучше всего, если читать его как один из первых проектов институциональных мероприятий по дифференциации.

Фундаментальному «процессу сциентизации любой практики в нашей цивилизации»²⁸ Гельмут Шельски еще до того посвятил свое большое и влиятельное сочинение «Человек в научной цивилизации»²⁹. Естественно, он отчетливо осознавал мощь тех сил, которые стимулировали в этой цивилизации «развитие крупномасштабных исследований»³⁰, а также осознавал необходимость поддерживать посредством привязки к заказам практическую ориентированность исследований, в том числе университетских. То, что университетское образование должно делать человека пригодным для выполнения определенных функций в экономике, промышленности и органах управления, Шельски признавал как одну из его само собой разумеющихся целей, и студенческий протест, который усматривал в этой цели превращение университета в «кузницу технократических кадров», казался ему протестом романтически настроенной образованной буржуазии. Но, так сказать, как гумбольдтианец второй степени, Шельски настаивал на том, чтобы вдобавок к тем функциям, которые университет с неизбежностью и растущей прицельностью выполняет в научно-технической цивилизации, он вместе с тем — в рефлексивном возвращении к предпосылкам нашей цивилизации — стремился быть и ее «философией», сохраняя тем самым по отношению к ней дистанцию.

Поскольку при доброжелательной интерпретации можно предположить, что и в студенческом протесте нашло свое выражение стремление обрести во время обучения не только специальность, но и способность ориентации, идея университета Шельски может быть понята как признание принципиальной правомерности этого устремления. Однако он счел бы обманчивым и противоестественным отказывать высшей школе в ее специфически современном призвании оказывать индустриальному обществу образовательные и научно-технические услуги, превращая вместо этого ее студентов в перманентных участников перманентных рефлексивных процессов. «Философия» современной цивилизации является сегодня высокоспециализированной и может быть усвоена лишь через работу в рамках отдельных областей науки. Свобода практики теоретизирования, не отягощенной требованиями и направленной на целокупность нашей культурной и социальной жизни, по-прежнему необхо-

28. Schelsky H. *Einsamkeit und Freiheit*. S. 29.

29. Кёльн-Опладен, 1961 год.

30. *Ibid.* S. 27.

дима. Однако лишь специализированные университетские институты предоставляют в современной — по образцу систему услуг организованной — системе высшего образования реальный шанс сделать эту свободу продуктивной в научном отношении. План реформы университета, предложенный Шельски, был планом учреждения таких специализированных академических институций.

Как известно, Вильгельм Геннис нашел предельно ясное выражение провоцирующему эффекту, исходящему от этого плана. «Предоставление неслыханных привилегий билефельдским профессорам», констатировал Геннис, «вопиющее нарушение принципа равенства» и «постыдное предпочтение меньшинства». Здесь имело место «столь явное попрание... коллегальности среди немецких ученых», что «трудно понять», «как конференция ректоров» «смогла изъявить готовность принять у себя ректора-основателя этого университета»³¹. Геннис должен был бы недоумевать еще больше от того, что раньше уже дюссельдорфское (к тому моменту³² социал-демократически ориентированное) правительство выразило свое согласие сделать «основанием дальнейшего планирования при строительстве Билефельдского университета те рекомендации, которые были приняты учредительным комитетом 24 июля 1967 года»³³. Тем не менее едва ли можно было заподозрить социал-демократов в желании защитить, а тем более установить новые профессорские привилегии. Устранение социальных и иных факторов, препятствующих эффективному равенству шансов, было как раз основным принципом социал-демократической политики в области образования. Как же могло случиться, что, несмотря на все это, они одобрили план Шельски? Ведь «предпочтение» билефельдских профессоров и в самом деле планировалось. Но почему же это «предпочтение» должно было быть «постыдным», если и без того уже оказывающее дифференцирующее воздействие практики предоставления привилегий в области высшего образования в силу необходимости становились все более общепринятыми: от предоставления внеочередных отпусков и гарантирования средств на специальные исследования в рамках переговоров о предоставлении временного рабочего места и вплоть до присуждения «академических стипендий» из средств фондов для годовых исследований, проводимых ключевыми персонами?

31. *Hennis W.* Die deutsche Unruhe. Studien zur Hochschulpolitik. Hamburg, 1969. S. 56–58.

32. С 8 декабря 1966 года. См. об этом: *Nehrling H.* Machtwechsel in Nordrhein-Westfalen. Essen, 1970.

33. Протокол заседания кабинета от 24.10.1967.

План Шельски был в этом отношении не чем иным, как переносом смысла таких — отнюдь не случайно распространяющихся — практик в организационную форму специального вуза, и казалось, что в то время социал-демократической партии Германии это было ясно не в меньшей степени, чем Западнонемецкой конференции ректоров.

С этим согласуется то обстоятельство, что ведущие представители нордрейн-вестфальской СДПГ, когда она еще была оппозиционной партией, и в особенности будущий премьер-министр Хайнц Кюн, а также работающий в то время министром культуры от ХДС Микат заступились за Шельски, когда весной 1966 года он был подвергнут публичной критике за свою опубликованную в 1934 году студенческую работу «Социалистический быт»³⁴, пропитанную духом социализма народной общности. За этой критикой не скрывалось никакой заботы о свобододолюбиво-демократической неприкосновенности системы высшего образования ФРГ, угроза которой могла бы исходить от экс-нацистского учредителя университета Шельски, что ввиду его позитивного вклада в годы немецкой послевоенной истории было бы совершенно нелепым. За ней скрывались, скорее, ура-патриоты падерборнского политического и мировоззренческого разлива, которые с удовольствием учредили бы в своем городке университет в своем духе и ради содействия этому намерению с удовольствием бы заменили Шельски на более подходящую для этого личность. Разумеется, это была в принципе легитимная цель, но только не в случае расчетливого использования подобных средств ее достижения. Так прежде всего считали те политики разных партий, сами в прошлом преследовавшиеся со стороны нацистского режима. Короче: невзирая на политические дискуссии вокруг своей персоны, которые его, впрочем, глубоко ранили, Шельски и после смены нордрейн-вестфальского правительства получил одобрение своей концепции учреждения у всех партий.

Известный энтузиазм учредительства, который царил в особенности на закрытой сессии научного совета Восточно-Вестфальского университета с 9 по 13 марта 1967 года в «Швагхофе» неподалеку от Бад-Зальцуффена, произвел сильное впечатление на министра культуры от СДПГ Фрица Хольхофа и побудил его назначить Шельски — вдобавок к его билефельдской роли учредителя — шефом планирования высшей школы в Нордрейн-Вестфалии. Уже 10 июля 1967 года был учрежден Совет по планированию при министре культуре... для развития высшего

34. Лейпциг, 1934 год.

образования под председательством Шельски. В качестве результата работы этого совета по планированию были даны две объемные «Рекомендации»³⁵; они серьезно повлияли на программу правительства Нордрейн-Вестфалии 1975 года³⁶ в той ее части, которая была посвящена политике в области высшего образования. Финал учредительной деятельности Шельски хорошо известен: он «распрощался с политикой в области высшего образования»³⁷, и притом с чувством «скорби по... утраченным возможностям научной экзистенции» в ситуации заката «Гумбольдтовского университета», заката, по его мнению, неудержимого, невзирая на билефельдскую и другие попытки ему воспрепятствовать.

В конце концов он даже порвал отношения с Билефельдским университетом и потребовал перевести его вместе со всей его кафедрой — уникальный случай в истории немецкого университета — на юридический факультет в Мюнстер, который его охотно принял. Он сердечно благодарил за этого тогдашнего министра науки Йоханнеса Рау, который сделал этот перевод возможным в административном и политическом отношениях³⁸. Но и этот факультет он покинул, «как только это стало возможным»³⁹, вернувшись к написанию своих поздних книг в одном из уголков Австрии.

Вне всяких сомнений, в личности Гельмута Шельски сочетались две склонности: активизм и известная склонность к разочарованию и отказу, и эта склонность с годами усиливалась. Но какие объективные обстоятельства подпитывали эту разочарованность? Существует стереотип профессора, которого студенческая революция сначала повергла в панику, затем разочаровала и, наконец, сделала консерватором. К Шельски этот стереотип абсолютно неприменим: «Я не только отнесся с пониманием к студенческому и молодежному протесту 1970-х годов, но и еще в 1957 году весьма точно его предсказал»⁴⁰. Во взволнованности поколения протеста он с симпатией распознал свои

35. Рекомендации I: Развитие академического образования в научных вузах Северной Рейн-Вестфалии до 1974/1975 года. Дюссельдорф, октябрь 1968 год. — Труды по планированию высшей школы (материалы к рекомендациям I Совета по планированию высшего школы). Вупперталь/Ратинген/Дюссельдорф 1969. — Рекомендации II. Дюссельдорф, ноябрь 1970.

36. Дюссельдорф, 1970 год.

37. *Schelsky H.* Abschied von der Hochschulpolitik oder die Universität im Fadenkreuz des Versagens. Bielefeld, 1969.

38. *Schelsky, H.* Erfahrungen mit vier Generationen der deutschen Universität (см. прим. 18). S. 175.

39. Ibid.

40. Ibid. S. 173.

собственные волнения. Что его ожесточило и в конце концов сделало дезангажированным в перспективе, далеко выходящей за рамки академических обстоятельств, как они развивались с 1968 года, так это продемонстрированная ответственными административными и политическими инстанциями неспособность реагировать на революцию студентов и интеллектуалов нормально, то есть ориентируясь на всеобщее благо, хладнокровно и тем самым решительно. Мы ведь видели: Шельски как реформатор университета ожидал от администрации гораздо большего, нежели от академического самоуправления. Именно эта вера в способность к действию ориентированной на всеобщее благо политики и администрации была подорвана.

Что же вынудило правительства, даже парламенты, не говоря уже о партиях, внезапно подчиниться в вопросах политики высшей школы требованиям, очевидной чертой которых была идеологическая ангажированность? Как же они могли допустить происходящее время от времени низведение вузов до игровых площадок для экспериментов по демократизации, которые были насмешкой над идеей либерально-демократически организованного общества? Что заставляло политику тем более преклоняться перед интеллигенцией, чем более та пренебрегала политикой?

Это объясняется, конечно, немецкой историей. Но тем настойчивее, по мнению Шельски, следовало противопоставлять политические и моральные принципы, берущие свое начало в первых двадцати пяти годах истории ФРГ, очевидным попыткам делегитимировать и эту историю, и тем самым эту республику. Так Шельски превратился в западногерманского консерватора, то есть в защитника истории ФРГ и ее свобод, перед лицом образованных людей, ее презирающих⁴¹. Не стоит надеяться на рождение чувства общности из духа академических занятий. Опыт, а не наука составляет исток гражданской способности суждения⁴². В этом контексте родилась научно-практическая инициатива Шельски в его бытность членом научного совета фонда Фрица Тиссена: более систематично исследовать и описать биографию основателей Федеративной республики в разных сферах — от экономики и профсоюзов до науки. Если бы такая серия биографий и в самом деле возникла, то Гельмут Шельски заслуживает, чтобы одна из них была посвящена ему.

Перевод с немецкого Ильи Инишева

41. Аллюзия на название известной работы Ф. Шлейермахера «Речи о религии к образованным людям, ее презирающим» (1799). — *Прим. ред.*

42. *Idem.* Das Prinzip Erfahrung. Lebensgrundlage einer Generation. Mainz, 1977.